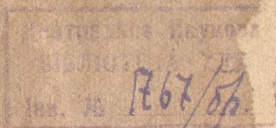

Л. ШЕЙНИН

1767 бр

Берегись шпионов!

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ
1943

25 коп.

V. N. Karazin Kharkiv National University

00666175

1

1) 327(c)/1941
355:34

Это случилось летом 1942 года. По одной из дорог к линии фронта шли подкрепления. Стоял жаркий день. От долгого перехода бойцы устали. Когда был устроен привал, люди с наслаждением повалились на мягкую траву...

Вдруг где-то недалеко запела скрипка. Бойцы прислушались. Да, кто-то играл на скрипке, а ей тихо вторил баян. Несмотря на усталость, бойцы потянулись на музыку — так приятно было вдруг услышать вальс «На сопках Манчжурии».

Музыканты расположились под деревом, у перекрёстка дорог. Их было двое — совсем седой, плохо одетый старик и средних лет женщина, повидимому его дочь. Сидя под деревом, старик играл на баяне, а женщина стоя водила смычком по скрипке. У женщины было серьёзное, даже строгое лицо. Играла она хорошо: скрипка под её ловкими, хотя и огрубевшими пальцами пела нежно и ласково.

Старик играл гораздо хуже. Его баян почему-то хрипел, срывался на переборах, и у него был странный, как бы сдавленный звук. Вероятно это был испорченный баян, потому что старик обращался с ним уверенно, и чувствовалось, что виноват не музыкант, а инструмент.

И всё же было очень приятно послушать старинный вальс...

Когда музыканты кончили играть, бойцы стали аплодировать. Скрипачка ласково, но с достоинством поклонилась. Старик, не вставая, молча протянул бойцам свою шапку. Она быстро наполнилась кусками хлеба и сухарями. Кое-кто из бойцов бросал в шапку деньги.

— Спасибо, родимые, — сказал старик и добродушно улыбнулся. — Вот до чего с дочкой дошли. Хорошо, что хоть скрипку и баян удалось спасти от немцев... Пробираемся к родственникам в К.

Политрук Иванов, сам баянист, подошёл к старику и спросил:

— Давно, дедушка, музыкой занимаешься? Баян-то у тебя тульский?

— Венский, тульской работы, — ответил старик. — Этому баяну не один десяток лет.

— А почему он у тебя на переборах срывается? — продолжал Иванов, подойдя ещё ближе к старику.

Старик метнул острый взгляд на Иванова, но ответил спокойно:

— Уронил я его. В двух местах меха лопнули. Самому пришлось подштопать. Полного

звука теперь от него не жди. Сам я хоть и играю на баяне, а чинить не могу. Ну, а мастера где теперь найдёшь?

— Пожалуй, я тебе помогу, — ответил Иванов. — Большой я в этом деле любитель. Думаю, что смогу починить. Дай-ка баян.

Старик, отрицательно мотнув головой, сказал:

— Спасибо, но баяна не дам. В прошлом году один — тоже любитель — взялся чинить, так я еле спас инструмент!.. Ничего, до города дойду, а там у меня один старичок-мастер есть. Тебе же, товарищ командир, не серчай, довериться боюсь. Кроме этого баяна у меня за душой ничего не осталось...

Иванов всё-таки подошёл к старику и протянул руку, чтобы взять баян. Но старик очень взволновался и накрыл баян обеими руками, как будто боясь, что его отберут. Женщина также забеспокоилась и быстро стала между Ивановым и стариком, как бы заслоняя последнего.

— Ну, что же, как хочешь, — равнодушно сказал Иванов. — Дело хозяйское. Тогда хоть сыграй ещё что-нибудь.

— Это можно, — добродушно ответил старик и вытер грязным платком сразу вспотевший почему-то лоб. — Это можно, — повторил он. — Машенька, сыграем «Железняка».

И они начали играть. Кое-кто из бойцов, услышав знакомый мотив, начал подпевать.

Когда музыканты кончили играть, Иванов

молча подошёл к старику и резким движением вырвал баян из его рук. Старик вскочил. Бойцы, не понимая, что случилось с их политруком, всегда таким вежливым и спокойным, с недоумением следили за происходящим. А политрук с силой рванул баян, и из лопнувших мехов старой гармонии вывалился немецкий радиопередатчик...

Вот почему так плохо играл баян!

Старый музыкант и его «дочка» оказались гитлеровскими шпионами. Играя на перекрёстках дорог, они наблюдали, как подтягивались резервы Красной Армии к линии фронта. Ночью старик передавал по радио собранные за день сведения. Он сообщал немецкому командованию всё, что видел и что успевал подсчитать.

Случай с «музыкантами» показывает, к каким способам прибегают немцы для засылки шпионов в наши прифронтовые районы. Способов этих очень много. Беженцы, слепцы, гадалки, добродушные с виду старушки, даже подростки — нередко используются гитлеровцами для того, чтобы разведать наши военные секреты, выяснить расположение наших частей, направления, по которым продвигаются резервы. Одним из методов, наиболее излюбленных немцами, является засылка лазутчиков под видом раненых, бежавших из плена, пострадавших от оккупантов, вырвавшихся из окружения и т. п.

Революционная бдительность, которой всегда учил нас Ленин и учит Сталин, была, есть и будет сильнейшим оружием советского народа в

борьбе против врагов, особенно в моменты серьезной опасности.

В мае 1919 года, когда наша страна находилась в огненном кольце интервенции, а в наши тылы проникали шпионы и диверсанты всех мастей, Ленин и Дзержинский обратились к советским гражданам с таким призывом:

«Берегитесь шпионов!

Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петербург с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе, широко развиты организации шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройство восстаний в тылу, убийств коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту!

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их!

Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожность.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны стать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу со шпионами и белогвардейскими предателями.

Каждый пусть будет на сторожевом посту — непрерывная, по-военному, организованная связь с комитетами партии, чрезвычайными комиссиями, надёжнейшими и опытнейшими товарищами из Советских работников.

*Председатель Совета рабоче-крестьянской
обороны ЛЕНИН*

*Народный комиссар внутренних дел
ДЗЕРЖИНСКИЙ».*

В войне против советского народа немецко-фашистские мерзавцы широко используют провокацию и шпионаж. Они стремятся использовать малейшую беспечность, малейшее ослабление революционной бдительности.

Известно, что чем более опытни шпионы, тем менее подозрительно они себя ведут, тем безупречнее стараются выглядеть. Значит нужно так организовать свою работу и свой быт, что даже если рядом с тобой работает или живёт шпион, ему не удастся ничего подглядеть, подслушать, выкрасть, выяснить, выпытать.

Каждый должен знать лишь то, что ему знать положено. Нельзя делиться производственными данными, рассказывать о военных заказах, о заводской программе, о цифрах выполнения плана, о дислокации промышленных объектов, об «узких местах» производства, о сырьевых запасах и ресурсах, о заводах-поставщиках и т. п., ибо все сведения такого рода могут быть подхвачены и использованы врагом.

Строжайшее сохранение государственной и военной тайны, соблюдение установленных правил учёта и хранения секретных документов, всемерное усиление охраны наших оборонных предприятий и объектов, непримиримая и повседневная борьба с расхлябанностью, неряшливостью и болтливостью — важнейшая задача, стоящая перед нашими партийными и советскими органами, перед каждым честным советским человеком.

* * *

Советская разведка разоблачила немало немецких шпионских гнёзд, насаждённых в разное время в нашей стране. Но надо помнить, что ещё задолго до начала Отечественной войны, до вероломного нападения Германии на Советский Союз, немцы пытались перебрасывать через границу своих агентов, завербованных в ряде случаев из числа белоэмигрантских подонков, осевших в различных странах Европы.

Один из таких переброшенных шпионов, остзейский немец по происхождению, бывший полковник царской армии Эрнест Бушман, был задержан благодаря бдительности пограничника Астаховича.

Вот обстоятельства этого дела.

Лето стояло жаркое, а ночь была свежа и даже прохладна. Пограничник Астахович стоял на посту, вслушиваясь в ночные шорохи спящего леса. В лесу было тихо, но он жил своей образной ночной жизнью, он дышал, и его живое дыхание ощущалось как-то особенно остро.

Уже на исходе ночи, когда было ещё темно, но рассвет уже близился, Астахович услышал совсем недалеко от себя тихий шорох. Настороженный слух ясно уловил: кто-то осторожно крался, часто останавливаясь и как бы вслушиваясь в ночную темень.

Астахович крепче сжал винтовку и приготовился к встрече. У него почти остановилось дыхание, и он ясно слышал, как гулко бьётся его сердце.

Вот совсем рядом с пограничником треснула ветка под ногами идущего и вырисовались смутные контуры высокой мужской фигуры...

— Стой, руки вверх, а то стрелять буду!

Неизвестный растерянно затоптался на месте, как бы не зная, стоять ему или броситься в сторону, и, наконец, неохотно поднял руки.

В комендатуре Астахович разглядел задержанного. Хотя на нём было крестьянское платье, он не походил на крестьянина. Морщины на лице и в углах рта, синеватые мешки под глазами говорили о долгой и бурно прожитой жизни. Глубоко сидящие глаза смотрели на мир хмуро, подозрительно и недружелюбно, а в мягких и сдержанных движениях этого человека, в пытливом, подозрительном взгляде, в манере медленно и тихо отвечать на вопросы чувствовалось что-то затаённое, запрытанное глубоко и навсегда.

— Кто вы? Как ваша фамилия?

— Я разорившийся крестьянин. Моя фамилия — Тальберг. Я пришёл искать работы.

— Кого вы здесь знаете?

— Никого не знаю. Я пришёл искать работы.

— Зачем вы сюда пришли?

— Я крестьянин. Я разорился. Я пришёл искать работы.

В назойливости, с которой он повторял, что пришёл искать работы, было что-то фальшивое.

— Покажите ваши руки.

Неизвестный неохотно протянул длинную, сухую руку. Плоская ладонь, длинные тонкие пальцы, коротко подстриженные ногти не носили следов работы землероба. Кожа была гладкая, выхоленная.

— Вы и теперь продолжаете утверждать, что вы крестьянин?

— Я больше не хочу давать показаний. Я устал.

В пограничной комендатуре привыкли ничему не удивляться. Не удивились и на этот раз.

— Не хотите, — пожалуйста. Мы не настаиваем.

Прошла неделя. Однажды задержанного вели по улице в баню. По дороге встретился местный крестьянин. Увидев неизвестного, он пристально на него посмотрел, потом изменился в лице, ещё раз взгляделся и закричал:

— Батюшки, да ведь это сам Эрнест Фёдорович! Эрнест Фёдорович, вы ли это? Глазам своим не верю!!

Арестованный нервно закусил губу, метнул на крестьянина злобный взгляд, но не произнёс ни звука.

В комендатуре крестьянин заявил, что в арестованном он категорически опознаёт «бывшее их благородие» полковника Бушмана, в полку которого служил и который скрылся в 1918 году, опасаясь расправы солдат, не очень-то любивших своего командира.

— Да и как его, сволоча, любить было, — продолжал крестьянин, — когда он лупил нашего брата нещадно! Чуть что — в морду ударит, и всё в нос норовит попасть или в скулу. Зверь был, а не человек. А я его и не сразу признал. Он потолще был да покладнее. Но что это он, — головой ручаюсь!

— А откуда вам известно его имя и отчество?

— Да я у него месяц за денщика был. Потом он выгнал меня. «От тебя, говорит, Иван, больно потом воняет». А как не потеть, товарищи военные, когда он меня день-деньской, как собаку, гонял. То ему того, то этого, — покоя не было. Я, признаться, обрадовался, когда он от меня отказался...

Бывший полковник барон Бушман, немецкий шпион, был разоблачён. Он рассказал о своей жизни, о том, как пришла война, а за ней революция, вдребезги разбившая всё благополучие барона, как он и весь его класс остались без имений, без денег, без заводов, без рабочих и без солдат...

Он пошёл к белым, дрался против Красной Армии и вместе с белыми был побеждён. Настали годы эмиграции, разбитых надежд и обанкротившихся планов. В чужой стране полковник

Бушман служил швейцаром в ночном баре, собирал объявления для бульварной газетки, продавал сигареты, нищенствовал и голодал.

Но несколько раз в году Бушман вынимал потёртый мундир с полковничьими эполетами и шёл вместе с другими «представительствовать великую и неделимую Россию», говорить от её имени, решать её судьбы, намечать её министров и союзников. Тогда ещё пышно произносились речи, в которые уже никто не верил, задумывались новые грандиозные походы, которых никто не осуществлял, читались новые программы, которым никто не следовал. Одно было реально: звериная злоба, жгучая ненависть, стремление хоть как-нибудь напакостить, помешать тому, что происходило в России, где прекрасно обходились без полковника Бушмана и без всех, кто был вместе с ним.

И Бушман решил пойти на «работу».

Старый генерал принял бывшего полковника в своей квартире наедине.

— Ваше превосходительство, — сказал Бушман, — мне надоело мечтать о будущих походах и на бумаге бить большевиков. Хочу настоящей работы, сегодня, теперь, немедленно. Пошлите меня к ним шпионом, террористом, диверсантом, чортом, дьяволом!.. Всё равно для чего, всё равно для кого... Дайте мне возможность как-нибудь, чем-нибудь отомстить! Понимаете, душа требует... И потом... потом, мне ведь тут всё равно делать нечего и жить трудно: денег маловато, знаете...

Генерал по-тараканьему пошевелил поседевшими усами, одобрительно пробурчал что-то об «офицерской чести» и написал Бушману направление к агенту немецкой разведки.

— Мы вам поможем перейти границу, — заявил немецкий агент Бушману. — Постарайтесь собрать нужные нам сведения. Если провалитесь, пеняйте на себя. Помните, что мы вас тогда не знаем и не знали. Если будет возможность, подожгите какой-нибудь складик, заводик новый, вообще организуйте что-нибудь интересное... Вы меня понимаете?

Через несколько дней Бушмана проводили до пограничного столба и дали совет, куда направиться.

— Будьте осторожны, — сказал усатый офицер, — эти красные черти с зелёными околышами — советские пограничники — видят ночью, как филины.

И действительно, советские пограничники в эту же ночь схватили немецкого шпиона...

Но иногда германским агентам удаётся перебраться через нашу границу. И тогда немецкие шпионы под видом мирных людей живут в стране, нанося ей огромный вред, подрывая её оборонную мощь, действуя тонко, хитро не день, не месяц и даже не год...

Любопытным с этой точки зрения является следующее дело одного немецкого шпиона.

...Это был маленький городишко, и жизнь в нём текла тихо и мирно. В сущности, городок не был ничем примечателен, кроме ветхой поко-

сившейся церквушки, в которой, если верить преданию, венчался Александр Невский.

Городок был расположен в стороне от больших железнодорожных узлов, на боковой ветке, недалеко от границы. Промышленных предприятий здесь не было, население преимущественно служило в районных учреждениях, а на досуге занималось огородничеством.

В городе были кинотеатр и клуб. В клубе имелся драмкружок. Руководил им местный старожил, которого все в городе знали и звали за просто по имени и отчеству Адамом Ивановичем.

Адам Иванович служил землеустроителем в райзо. Было ему за пятьдесят, и был он лыс, сухощав и добродушен. Одинокий старик не имел никого—кроме внучки Тамуси, оставшейся сиротой после смерти дочери Адама Ивановича, погибшей от туберкулёза. Девочка-пионерка переходила в пятый класс. Дед заменил ей отца и мать, и весь город восхищался заботой и нежностью, которыми он окружил ребёнка.

— Не у всяких родителей, — замечали люди, — такую ласку встретишь. А про воспитание и говорить нечего! Красота!

И в самом деле, Адам Иванович воспитывал свою внучку чрезвычайно заботливо. Он сам обучал её немецкому языку, строго следил за её отметками и даже выкроил из скромного своего бюджета плату за уроки музыки.

Тамуся была бойкой девочкой, хорошо училась. Адам Иванович не мог на неё нарадоваться.

И нередко соседи, проходя мимо чистенького маленького домика, принадлежавшего Адаму Иванычу, наблюдали трогательную семейную сцену: старик, добродушно улыбаясь и прихлёбывая чай, слушал старинные немецкие вальсы в исполнении Тамуси, а иногда даже подпевал ей дребезжащим, старческим голосом.

Как и многие старики, он был чудаковат и страстно, совсем по-детски, увлекался радиотехникой. Не имея средств для покупки дорогих радиоприемников, Адам Иваныч конструировал их сам, и его письменный стол всегда был завален какими-то конденсаторами, радиолампами и предохранителями. Ко всему этому он относился очень ревниво и даже внучку, из опасения, что она внесёт беспорядок или сломает что-нибудь, в комнату свою не допускал.

В городке Адам Иваныч дружил со всеми. Он был отзывчивым соседом, аккуратным служащим, незаурядным общественником. Неудивительно, что горожане хорошо относились к нему. Приехал он в этот городок давно, почти четверть века тому назад, сравнительно молодым шеголеватым землемером. Скромно жил, работал, обзавелся небольшим домиком, разбил около него весёленький палисадник.

В последние годы он начал работать в клубе, организовал драмкружок и одновременно героически нёс обязанности режиссёра, художника, заведующего сценой и суфлёра.

Долгими зимними вечерами, когда метели заносили городок снежными сугробами и на улицах

заунывно пели телеграфные провода, Адам Иваныч репетировал в клубе очередную пьесу, горячился, неистово размахивал руками и разъяснял любителям их ошибки.

А на премьерах Адам Иваныч волновался больше всех, носился по сцене, как угорелый, часто утирал вспотевшее от усталости лицо и, выходя в конце спектакля кланяться восторженной публике, смущался, как гимназист.

— Адам Иваныч,—грохотал зрительный зал,— Браво... Режиссёра... Адама Иван-ы-ча...

Обычно его вызывали по несколько раз, и с каждым разом он выходил всё более смущённый, глаза его почему-то подозрительно блестели, и в ответ на рёв публики он улыбался своей застенчивой, доброй улыбкой...

— Чеховский тип, — сказал о нём как-то рецензент районной газеты, считавшийся в городе недюжинным знатоком литературы, — типичный чеховский интеллигент. И мягкость в нём какая-то чеховская.

А когда драмкружок, организованный Адамом Иванычем, праздновал свой десятилетний юбилей, местная общественность отметила заслуги основателя кружка. Адаму Иванычу был преподнесён трёхламповый колхозный радиоприемник, работавший на постоянном токе.

Юбилейный вечер затянулся. Было уже совсем поздно, когда Адам Иваныч вышел из клубного подъезда. На тёмной улице моросил дождь, неуверенно мигал тусклый фонарь у здания клуба и под ногами тяжело вздыхали и чав-

1767/86

кали большие топкие лужи. Где-то в Заречье заливались собаки. Адам Иванович постоял, вздохнул, поднял воротник своего старенького, видавшего виды пальто и, трогательно прижав к груди подаренный ему радиоприемник, направился в темень, ошупью находя себе дорогу. Когда он вернулся домой, то в комнате Тамуси горел свет, но девочка уже спала. Адам Иванович подошёл к её кровати, поправил сбившееся одеяло и потушил лампу. Потом прошёл в свою комнату, плотно притворил дверь, закрыл ставни и сел к столу. Минуту Адам Иванович сидел в кресле, закрыв глаза и вытянув ноги. Потом поднялся, включил какой-то провод, пропущенный незаметно под пол через ножку стола, и стал возиться с рычажком передатчика...

Да, передатчика! В подполье этого добродушного старичка был тщательно и искусно запрятан переносный радиопередатчик, маленькая радиостанция, последняя модель «Телефункена». В этом скромном домике, в этом маленьком глухом городке окопался, жил и действовал старый немецкий шпион.

Он был переброшен в Россию ещё в 1913 году... Позади у молодого лейтенанта германской императорской армии было детство на Одере, военное училище и первое офицерское звание. Немецкий лейтенант Х. был отличным лингвистом, особенно хорошо ему давались славянские языки. Маленький, всегда суетливый, но всё знающий начальник училища фон Таубе доложил об этом по назначению. В день выпуска совсем

ещё юный лейтенант был приглашён в один из отделов германского генерального штаба.

Пожилой человек в штатском платье встретил его так, как будто они знали друг друга много лет. Смутившийся лейтенант с удивлением обнаружил, что всё, решительно всё о нём, о его близких, даже о его шалостях знает этот худощавый человек с лицом солдата и глазами каторжника. У него были действительно странные глаза, у этого сотрудника генерального штаба. Они избегали лица собеседника, они беспокойно бегали по углам кабинета, но если взгляд их, наконец, падал прямо на лицо, его трудно было вынести: такой он был тяжёлый, неподвижный и требовательный.

Этот человек старался казаться приветливым и добродушным, но за его коротким смешком, похожим на урчание, за невесёлой его улыбкой, как-то нарочито и неестественно раздвигавшей рот; мало приучённый к смеху, за всем его обликом было что-то, заставлявшее насторожиться.

Итак, они договорились, юный лейтенант германской императорской армии и человек в штатском из германского генерального штаба.

— Отлично, лейтенант, — сказал в заключение человек в штатском, — я вижу, из вас выйдет толк. Я очень доволен вами. Вы будете моим крестником, лейтенант. И, кроме того, вы будете русским...

На следующий день, не простившись с товарищами, лейтенант выехал в маленький немецкий городок, чтобы продолжить там своё образование.

В этом городке существовала секретная школа, одна из многих специальных школ германской разведывательной службы.

Вслед за тем в школу был доставлен опечатанный сургучом пакет, в котором хранилась карточка нового сотрудника немецкой разведки. В ней было коротко обозначено: «Профиль — русский, профессия — землемер, пребывание — тридцать лет». В этой же карточке были указаны и новые имя, отчество и фамилия, которые надолго, на тридцать лет, обрёл будущий русский землемер Адам Иванович М-р.

Через два года Адам Иваныч закончил «образование» и уехал в Петербург. Сначала ему было предложено оставаться там. «Крёстного отца» интересовала Гатчинская авиационная школа и доходившие в Германию сведения о каком-то необыкновенном самолёте, над которым работал тогда Сикорский.

Действительно, несколько позже, уже во время войны, в России был сконструирован первый в мире многомоторный самолёт, получивший название «Илья Муромец». По тем временам это был самолёт фантастических размеров и грузоподъёмности. Адам Иваныч специально поселился в Гатчине, завёл знакомство с персоналом авиационной школы и многими офицерами. В конце концов он собрал кое-какие сведения, но раздобыть чертежи самолёта не смог. Сикорский был осторожен и неподкупен. Офицеры Гатчинской школы были менее осторожны и охотно пьянствовали с весёлым землемером, но сами они знали очень мало.

Потом изготовление самолётов «Илья Муромец» взял на себя Русско-балтийский завод. Адам Иванович переехал из Гатчины в Петербург и поступил на этот завод слесарем. Ему удалось собрать сведения о сроках изготовления и количестве выпускаемых самолётов. «Крёстный отец» уведомил, что работой доволен.

Потом Адам Иванович на этом же заводе собрал некоторые данные по другим видам вооружений. Опять переслал. Опять им были довольны.

Постепенно расширяя круг знакомств, пользуясь всеми методами, обычно применяемыми германской разведкой, — подкупом и шантажом, ласками и вымогательством, обещаниями и угрозами, вином и женщинами, используя уголовников и дам петербургского света, вербуя священников и беглых каторжников, военных писарей и сановников, шулеров и журналистов, не останавливаясь перед дерзкими кражами со взломом и убийствами лиц, ставших почему-либо опасными, — так действовал в период войны 1914—1917 годов Адам Иванович, так действовали сотни Адамов Ивановичей, переброшенных германской разведкой в Россию, во все страны Европы и Америки.

Осенью 1916 года Адаму Ивановичу сообщили, что в приказе по императорской армии лейтенант Х. за «неоценимые боевые заслуги высочайше награждается его императорским величеством Вильгельмом II железным крестом».

«Поздравляю вас от души, мой крёстный сыночек, — писал Адаму Ивановичу его покрови-

тель, — уверен, что и впредь вы будете столь же усердно служить великой Германии, призванной покорить весь мир и установить в нём истинно немецкий порядок...»

В 1917 году, когда грянула революция, Адам Иваныч несколько растерялся. Но однажды ночью к нему постучался какой-то человек. Адам Иваныч впустил позднего посетителя и остолбенел: перед ним стоял человек в штатском из германского генерального штаба — его «крёстный папаша».

— Здравствуйте, капитан, — сказал пришедший. — Я поздравляю вас с этим званием! Нам следует кое о чём переговорить...

Так состоялась вторая беседа этих двух людей — тогда ещё молодого капитана германской императорской армии и человека в штатском из германского генерального штаба, разговор двух матёрых шпионов, двух немецких волков из бешеной стаи, задумавшей во имя торжества «немецкого духа» перекусить горло всему миру.

Уже на рассвете, когда огромный город на Неве возникал как видение в утреннем тумане, человек в штатском тихо сказал:

— Такова ваша программа, мой друг. Сейчас вы уедете в глушь России, в какой-нибудь городок, вполне освоитесь там, будете тихо и мирно жить. Мы вас пока «консервируем», мой милый. Срок контракта ещё далеко не истёк. О, вы ещё пригодитесь, ещё очень пригодитесь! Итак, пока в глушь, «в консервную банку», до более счастливых времён!..

Человек в штатском задумался и, улыбнувшись, добавил:

— Уверен, что мы будем иметь доброкачественные немецкие консервы. Консервы, которые не портятся...

И вот тогда в маленьком, захолустном городке появился новый землемер. Он действительно как бы законсервировался, он мирно работал и мирно старел. Он спокойно ждал указаний, а пока вращал в быт городка и, разъезжая по району по делам землеустройства, фиксировал пункты, в которых были расположены военные склады, просёлочные и шоссезные дороги, железнодорожные пакгаузы и тупики.

Дважды за эти годы ему давали знать, что о нём помнят, что он состоит на вооружении и входит в соответствующие расчёты. Дважды он подтверждал свою готовность к действию.

Потом он по вызову ездил в крупный центр, где встретился с одним приезжим. Адам Иваныч передал через него присягу новому правителю Германии—«фюреру», истерическую ругань, клятвы и заклинания которого не раз слышал по радио. Приезжий из Берлина снабдил Адама Иваныча портативной радиостанцией и научил пользоваться ею. Он передал ему новый код, который Адам Иваныч вызубрил наизусть, и ампулы с отравляющими веществами.

— Вы получите указание, когда надо будет пустить в ход эти ампулы, — сказал приезжий. — А пока будьте передаточным пунктом нашей

агентуры. Все сведения передавайте шифром на ультракороткой волне...

И он подробно посвятил Адама Ивановича в новую технику его старой профессии.

Так Адам Иванович вернулся к своей деятельности. Он работал аккуратно, ни разу не «наследил», им были очень довольны.

И в ту ночь, когда Адам Иванович вернулся домой с подаренным ему радиоприемником, он сразу же сел к передатчику, чтобы к рассвету успеть сообщить ряд сведений, накопившихся за неделю.

Передавая сведения, Адам Иванович, сам того не замечая, стал вслух произносить всё, что передавал. Передатчик тихо потрескивал, дождливая ночь способствовала хорошему приёму, работа уже подходила к концу...

— Дедушка, что ты делаешь?!.. — внезапно раздался взволнованный крик Тамуси.

Адам Иванович оцепенел. На пороге комнаты стояла внучка. Глаза её были широко раскрыты от ужаса, она дрожала, как в приступе лихорадки. Она слышала всё.

Прошло мгновение, которое могло показаться вечностью. Стояла страшная тишина, которую только подчёркивал слабый шум дождя за наглухо закрытым окном. И вдруг этот высокий худой старик, изогнувшись, прыгнул к ребёнку, и цепкие пальцы сомкнулись вокруг горла девочки, рухнувшей под тяжестью его тела.

Потом он медленно поднялся и вытер руки, испачканные детской слюной. Его трясло, как в ознобе, хотя в комнате не было холодно.

Утром Адам Иванович подал заявление о том, что его внучка покончила с собой, повесившись ночью в своей комнате. Он высказал предположение, что самоубийство явилось следствием каких-либо школьных неприятностей и «повышенной, — как он писал, — нервной психики девочки, подорванной тем, что она рано осиротела...»

Нет нужды рассказывать о том, как шло следствие по этому делу, как судебно-медицинское вскрытие установило факт насильственной смерти девочки, как постепенно разматывался клубок этого сложного преступления и как был, наконец, полностью разоблачён Адам Иванович М-р, старый немецкий шпион, капитан германской армии Х., о том, как была вскрыта ещё одна «банка немецких консервов». Её содержимое оказалось так же отвратительно, страшно и ядовито, как всё, что изготавливает и чем пытается отравить мир дьявольская кухня взбесившегося Гитлера.

* *
*

Приведённые факты, конечно, далеко не исчерпывают форм и методов подрывной, шпионской и диверсионной деятельности немецких бандитов в их борьбе против нашей родины.

До революции, в период войны 1914—1917 годов, немцы располагали в России значительными, за многие годы насаждёнными кадрами шпионов и диверсантов. Во многих учреждениях царской России, в различных её районах жили и действовали многочисленные агенты германской разведки.

Под видом коммерсантов, владельцев колбасных магазинов, специалистов по пивоварению, коммивояжеров, землемеров, агрономов и т. п. в ряде пограничных и приграничных районов России орудовала целая сеть шпионов, собиравших секретные сведения, организовывавших свою агентуру, а в период войны осуществлявших различные диверсионные поручения Берлина.

Во время первой мировой войны в некоторых районах немцы, так называемые «колонисты» — владельцы мельниц и хуторов, при приближении линии фронта открыто действовали против русской армии, вступая в стычки с отдельными воинскими соединениями.

Активную деятельность развёртывала немецкая шпионская агентура и в тыловых городах России, пользуясь всеми методами и способами для выполнения своих преступных замыслов.

При советской власти старые «кадры» германской разведки были разгромлены органами государственной безопасности. За эти годы было разоблачено и ликвидировано немало шпионских гнёзд. Обычные в капиталистических условиях формы прикрытия шпионской деятельности — содержание кабачков и притонов, гостиниц, частных магазинов и фирм, мельниц, хуторов и т. п. — в условиях нашего времени, нашего социалистического хозяйства стали невозможными. Поэтому враг стремится использовать против нас беспечность и разгильдяйство, халатность и разболтанность отдельных работников наших промышленных и хозяйственных предприятий.

Повышение политической бдительности всего советского народа, его преданность советской власти, его сознательность и глубокий патриотизм оказывают немалую помеху врагу в его преступной деятельности. Вот почему самые формы шпионской работы, направленной против советского государства, враг старается приспособить к специфике нашего быта, нашего хозяйства, нашей психологии.

В первые дни Отечественной войны немцы, как известно, в разных районах сбрасывали на парашютах шпионов и диверсантов, одетых в форму работников НКВД, органов милиции, командиров Красной Армии и т. п. Нередко немецкая агентура, перебрасываемая в наши районы, снабжается различными — в том числе даже партийными — поддельными документами. За два года войны было схвачено и разоблачено немало таких негодяев. Истребительные отряды, созданные указом Президиума Верховного Совета, партийные и комсомольские организации и отдельные рабочие, служащие и колхозники сыграли большую и почётную роль в деле разоблачения агентуры врага.

Известны случаи, когда на наши промышленные и оборонные предприятия пытались проникнуть шпионы, завербованные немцами во временно оккупированных районах из числа бывших кулаков или преступных элементов — предателей своей родины.

Всё это обязывает каждого честного советского человека проявлять необходимую бдительность

на работе и в быту, помогать органам нашей государственной власти в борьбе с немецкими шпионами и диверсантами.

При этом надо помнить, что не только в шпионаже и диверсиях заключается вражеская «работа». Сплошь и рядом немецкая агентура получает задания распространять разного рода провокационные слухи. Установлен ряд фактов, когда лица, завербованные немецкой разведкой, направлялись в наши тылы со специальным заданием сеять панические слухи, проводить всякого рода антисоветскую, пораженческую агитацию, всюду говорить о том, что немцы, дескать, в оккупированных районах обращаются с населением «вежливо», не грабят его, не совершают никаких зверств и т. п. Можно не сомневаться в том, что лица, распространяющие подобные сведения, являются орудием немецкой агентуры, в лучшем случае — слепым её орудием.

Священный долг каждого честного советского человека — задерживать лиц, распространяющих слухи такого рода, и передавать их в распоряжение органов власти.

Немецкий агент нередко орудует под видом словоохотливой и с виду простодушной старушки, передающей со слов «очевидцев» и «доподлинных свидетелей» различные вымышленные факты.

Враг использует в своих целях и болтливость некоторых наших работников. Нередки случаи, когда в вагонах метро, железной дороги, трамвая и т. п. товарищи по работе обмениваются мнениями между собой, выбалтывая при этом секрет-

вые данные о характере и количестве продукции того или иного предприятия, цеха, лаборатории и т. п. Они не учитывают, что рядом может оказаться немецкий шпион, который выслушает, запомнит и передаст секретные данные врагу.

Большое значение имеет строгое хранение секретных документов, до которых особенно падки наши враги. Девушка-секретарь, инженер-экономист, мастер—любой советский человек, которому государство доверило хранение секретных документов, должен проникнуться чувством высокой ответственности, помнить о бдительности. Малейшее нарушение установленных правил хранения секретных документов и обращения с ними — всегда недопустимо, а в условиях войны является прямой помощью врагу.

Если государство доверило тебе военную тайну, — свято храни её, неусыпно о ней думай, заботливо и бдительно её прячь!

Лица, по роду своей работы допущенные к секретным документам, к объектам оборонной промышленности, к спецработам наших предприятий, должны быть бдительны и осторожны не только на работе, но и в своём личном быту. Нужно быть осторожным и осмотрительным в знакомствах, встречах, домашних беседах, разговорах по телефону и т. п. Если ты замечаешь, что твой товарищ по работе проявляет легкомыслие в этих вопросах, болтает, разглашает секретные сведения, говорит о них по телефону и т. п., — одёрни его, предупреди, потребуй прекращения разговора.

Серьёзнейшее значение имеет и охрана наших

промышленных предприятий, учреждений, железных дорог и других объектов, имеющих оборонное значение. Строгий порядок выдачи пропусков, проверки документов на предприятиях должен интересовать не только администрацию, но и каждого рядового рабочего и служащего.

Если ты замечаешь халатность вахтера, недостаточно серьёзное отношение к выдаче пропуска со стороны работников заводской комендатуры, небрежную проверку документов и т. п. — твой долг заявить об этом руководителям предприятия, обратить на это их внимание и добиться наведения порядка в этом деле.

Советский человек не пройдёт мимо самого мелкого факта нарушения военной тайны, даже если этот факт не касается его непосредственно, если это нарушение допускается незнакомым человеком.

Советский человек, услышав случайно разговор незнакомых людей, разбалтывающих сведения, не подлежащие оглашению, должен призвать их к порядку, сделать им замечание, указать на непозволительность подобного поведения.

Запомни сам и соседу поведай:

Бдительность — верный помощник победы!

В условиях военного времени эти слова приобретают ещё большее значение.

Будьте бдительны! Берегитесь шпионов! — вот девиз советских патриотов, борющихся за свою родину на фронте и в тылу.

1763/86

Редактор Н. Толчёнова

Подписано к печати 16 июля 1943 г.
лём 1 п. л. Тираж 100 тыс. Заказ № 1254.
А 1483. Цена 25 коп.

типография «Красный пролетарий» Огиза
ССР треста «Полиграфкнига». Москва, Красно-
пролетарская, 16.